

Васильев поник головой: «Третью неделю с женой, Елизаветой Павловной, не разговариваю. Как не дала мне похмелиться, так и замолк. Но и она не права, батюшка. Опохмелё – это не блажь, это возврат здоровья. Ежели вовремя не похмелиться, то и ноги можно протянуть. Ведь так, батюшка?!»

Отец Василий горько улыбнулся: «Не о том вы. Не о том. Искать надо покаянного чувства, готовиться к Исповеди и Святому Причастию. Поймите, Церковь не

напрасно приняла и хранит святые посты. Научимся уважать пост – оценим его пользу. И очень важный момент – никогда не осуждать как тех, кто постится, так и тех, кто не постится. И всегда относиться друг к другу с пониманием...»

Священник замолчал и поднял глаза. Всё верно, тишина была не случайной, разговорчивый попутчик спал, неудобно запрокинув голову. Слушать он не умел, видит Бог...

От редактора. Наконец-то на страницах нашего альманаха мы представляем творчество Владимира Куприенко – выпускника нашего вуза, талантливого журналиста и прозаика. Автора, который стремится показать подлинную, непридуманную и неприкрашенную жизнь, в том числе самые её неприглядные стороны. Автора с особой стилиевой манерой, со своими неповторимыми героями. Первый рассказ – о бывшем детдомовце Славке Белове, в общем-то, неплохом человеке, трудяге, хорошем семьянине, сознательная, зрелая часть жизни которого приходится на закат социализма и период «перестройки» – то есть на эпоху, обесценившую, сделавшую глупыми и смешными все высокие идейные и духовные порывы. В своей обычной полуиронической манере автор рассказывает наполненную узнаваемыми бытовыми реалиями историю жизни, смысл и назначение которой герой видит в решении совершенно приземлённой задачи: в век тотального дефицита, когда недостаёт даже самых обычных, «ширпотребовских» вещей, он с какой-то маниакальной настойчивостью ищет, добывает для любимой жены шубу из небесно-голубой норки. Но это лишь внешний пласт. Главное же в рассказе – подтекст, лирико-метафизическая история души человека, сумевшего сохранить в самых неблагоприятных для этого социально-исторических и бытовых условиях пусть искажённую, существенно деформированную, но при этом явственно выраженную потребность в чём-то высоком и прекрасном, в каком-то необыкновенном по силе проявления своей любви, своего обожания поступке. И не столько вина, сколько беда Белова (и многих-многих других русских людей), что действительность властно перекодирует, перенаправляет его по сути эстетический, идеальный порыв в русло житейской прагматики. Второй рассказ – о царящем в нашем обществе разноязычии и разномыслии, о невозможности или неспособности русских людей понять друг друга. В закрытом пространстве вагонного купе автор сводит двух попутчиков – прораба Васильева и священника Василия (переключка фамилии одного с именем другого – не случайная деталь), которые говорят как будто бы об одном, но при этом совершенно не понимают друг друга, не пересекаясь ни на уровне сознания, ни на уровне душевных и духовных движений. Словно представители двух разных космических цивилизаций, которые выучили язык межгалактического общения, чтобы наладить контакт. Тщетно...

Валентина КОБЗАРЬ

член Союза журналистов России

Первая половина моей жизни прошла в Приморском крае, у моря. В Благовещенск я приехала по распределению, после окончания отделения журналистики филологического факультета ДВГУ. И вот уже больше тридцати лет живу на берегах двух великих рек. Амурская область – моя вторая малая родина. Здесь я работала в газетах «Амурская правда», «Моя мадонна», «Молодёжка». Журналистика подарила мне огромное количество встреч с замечательными людьми, за что я очень благодарна своей профессии.

«Сказки для взрослых» были написаны в период острой влюблённости. Более серьёзно литературой я никогда не занималась. Но не теряю надежды снова влюбиться, и, может быть, тогда напишу роман. Как знать...

P.S. Я признательна издателям альманаха «Амур», знакомящим любителей словесности с произведениями амурских авторов. Желаю изданию и его творческому коллективу долгих счастливых лет.

Сказки для взрослых

Двое

В железном киоске за железной решёткой сидела девушка. Она там работала. Ей хотелось на волю – в парк, на дискотеку, на речку. Но тут платили, хоть и небольшие, деньги, к тому же жених мог попасться богатый. А милиционеры небогатые. И работа у них опасная.

При чём тут милиционеры? Да постовой стоял на посту недалеко от киоска. Они в форме все одинаковые, а этот был какой-то особенный. Так думала девушка, глядя на молодого, в веснушках, изо всех сил серьёзного милиционера.

Она не смогла бы объяснить, что такого в нём необычного, отчего, когда он подходит к киоску, она цепенеет и забывает своё имя, почему ей хочется целыми днями смотреть на него.

Молодой постовой любил леденцы на палочке. Но несолидно ведь при форме, при дубинке и с леденцом. Поэтому он конфеты сменил на сигареты. Не столько сам курил, сколько друзей угощал, чтобы пачка скорее заканчивалась и надо было идти за новой.

Покупал он сигареты всегда в одном и том же киоске недалеко от своего поста, где за решёткой сидела девушка. «Красивая. Но, наверное, легкомысленная. В таком месте, сутками работает...» – так думал о девушке постовой.

Он не мог бы объяснить, почему старается чаще подходить к киоску, подольше возле него задержаться, почему глаз не может отвести от девушки.

Они были молоды. Они думали, что настоящая жизнь где-то там, впереди. Они думали, что впереди

и большая, настоящая, серьёзная любовь. А то, что сию минуту происходит – вот, пачку сигарет другу передали, соприкоснулись пальцами, у обоих головы закружились, – это от недостатка витаминов. Весна.

...По ночам, в тот самый тихий час, когда люди спят мёртвым сном, две души – киоскерши и постового – покидали свои обиталища, встречались в условленном месте и летали рядышком меж звёзд. Они-то знали, что предназначены друг другу судьбой.

Двенадцать влюблённых

Одна женщина всей душой любила собственного мужа и тем была счастлива. А муж её сердечно был привязан к собственной секретарше: он её обожал. А секретарша любила знакомого таможенника: они часто встречались, иногда разговаривали, но всё о делах, о работе, страдала она молча. А у таможенника была горькая тайна: его угораздило влюбиться в девушку, которая работала на соседней, китайской, таможне. А у китайки был любимый жених – моряк, он давно ушёл в рейс, месяца через три ждали его возвращения, правда, почему-то от него давно не приходило писем. А не писал жених потому, что в Новой Зеландии встретил другую – голубоглазую, светловолосую, покорившую его навечно и не замечавшую моряка совершенно. А сама светловолосая была влюблена в вечно печального студента, печалью он и пленил голубоглазую красавицу. А студент на неё внимания не обращал, так же, как и на других девушек, потому что его тянуло к юношам и особенно к одному парню, который недавно уехал в Сан-Франциско. А тот американец и не вспоминал студента: для него милее всех на свете была его собственная жена. А любимая жена души не чаяла в собственном сыночке, даже любимый муж на второй план отошёл. А сыночек был ещё мал, ему казалось, что больше мамы, папы и бабушки он любит сердитого и делового утёнка-миллионера Скруджа. На этом сказочка кончается: ведь известно, что Скрудж любил только деньги, а они, противные, никого не любят.

Дождь

Одна легкомысленная девушка засиделась в гостях. Домой пришлось возвращаться уже, когда было темно. Она шла и думала о вечеринке, о приятном молодом человеке, который несколько раз приглашал её танцевать. Она думала, что он пойдёт её провожать, но вот шла одна.

И тут она услышала, что кто-то идёт следом. Девушка оглянулась, но никого не увидела. Чуть заволновавшись, она прибавила шаг. Тот, кто шёл за нею, тоже заторопился. Её шаги звучали звонко – тук, тук, тук. Шаги незнакомца плюхали – плюх, плюх, плюх.

Она пошла быстрее, и он тоже. Она чуть притормозила, обходя лужу, и незнакомец зашлёпал медлен-

нее. И по-прежнему никого не было видно на улице. От этого становилось всё страшнее.

До дома оставалось совсем немного, и девушка побежала так быстро, как только могла. Каблуки стучали оглушительно, эхом отдаваясь меж домов. Добежав до подъезда, девушка остановилась, снова оглянулась. Она боялась, а вдруг это злодей? Она надеялась, а вдруг это тот парень, с которым она танцевала? Может, он постеснялся пойти её провожать при всех, а теперь крадёт тайком, смешной... Она вновь никого не увидела.

Улица была пустынна. Но шлепающие шаги не стихали. По всем улицам, дворам, переулкам, площадям и пустырям города шёл дождь.

Кузнечик

В траве сидел Кузнечик. Ему было грустно: он очень хотел найти подружку, но всё никак не получалось.

Однажды он встретил красивую Божью Коровку. Кузнечик сказал ей: «Ты такая красивая». Но Божья Коровка посмотрела в его сторону равнодушно и пошла по своим делам, переступая всеми восемью лапками.

В другой раз Кузнечик строила глазки жаба. Она пучеглазила изо всех сил, страшно разевала рот, а когда что-то говорила на своём лягушачьем языке, кузнечик ушные отверстия закладывало. Хотя Жаба была такая же зелёная, как Кузнечик, но она ему совсем не понравилась: очень большая, склизкая и говорит непонятно.

Ну, конечно, Кузнечик очень понравилась Бабочка. Как не залюбоваться её радужной расцветкой? Но только он собрался с нею заговорить, Бабочка как начала крылышками махать: в глазах зарябило, в нос ударила пыльца, голова пошла кругом. Еле лапки унёс.

И Стрекоза сначала очень была симпатична Кузнечик – такая изящная, серебристая. Но уж очень она оказалась беспокойной – носится, как вертолёт, туда-сюда. К тому же, про неё говорили, что хищница.

Сидел в траве Кузнечик. Грустил. Вспоминал, с кем он хотел познакомиться и что из этого вышло. Незаметно для себя стал что-то напевать под нос. Про весну, про цветочки на лугу, про солнце и любовь, которая обязательно придёт. Он любил петь, хотя те, кто ничего в музыке не понимает, называли кузнечиное пение стрёкотом.

И вдруг Кузнечик услышал, что ему подпекает тоненький голосок, который на кузнечином языке тоже поёт про солнце, весну, зелёную траву, про любовь. Кузнечик два раза прыгнул в сторону голоска и оказался рядом с прелестной зелёной и глазастенькой Кузнечихой. Он сразу понял, что это и есть его подружка: они оба были очень похожи. Они оба говорили на одном языке. И, оказалось, даже без слов понимали друг друга.

Камень

Один молодой человек страшно скучал, а главное – ничего не хотел. Ни учиться, ни жениться, ни работать, ни детей, ни прав, ни обязанностей. Даже ел через силу, даже спал с неохотой. Мечтал, правда, но тоже «через не могу».

– Стать бы чем-нибудь таким, чтобы никто не «кантовал», – мечтал он. – Травой? Козлы съедят. Облаком? Ветром мотать будет. Деревом? На дрова порубят. – Ему хотелось устроиться абсолютно спокойно и надолго. – Морем? Там волны, ветер, там покоя не будет. Камнем? Хм, подходит, пожалуй. Хорошо бы таким, чтоб покрепче, – стал, так сказать, развивать мысль. – Лежал бы в поле, мхом поросший. Солнце греет. Никто не колышет.

Кто-то свыше внял ленивой, но настойчивой мысли и сделал молодого человека большим куском гранита.

Перед вами «Сказки для взрослых» Валентины Кобзарь. Вот ведь до чего ж серьёзный жанр! «Сказки для взрослых» – это всегда «сказки *pro* взрослых», то есть для нас – про нас. А ещё напрашивается мысль, поясняющая/продолжающая жанровое определение: если есть сказки для взрослых, то где-то есть сказки для детей (конечно!); если сказки для детей пишут взрослые, то, соответственно, сказки для взрослых – «детское» послание «большим». Адресат и адресант как бы меняются местами. Понятно, что автор – не ребёнок, но он мудр, как ребёнок, как ребёнок, естествен, наивен и прост. Если обычная сказка пропитана моралью (ведь чем занимаются эти взрослые? читают морали!), то главное авторское настроение этих сказок – удивление (до чего ж удивительный народ, эти взрослые! элементарных вещей не замечают – дождя, любви...). И это, возможно, самый правильный посыл. Так как едва ли не единственный способ освободиться от своей нудной взрослости – это удивиться ей, посмотрев на неё со стороны.

Вот какую серьёзную работу могут проделать Ваши «Сказки...», Валентина Петровна. А Вы говорите «несерьёзная литература»...

С. Красовская

Ярослав ТУРОВ

учащийся 10 «г» класса СШ № 25
г. Благовещенска

Рассказ

РОЗОВОЕ НА ЧЁРНОМ

Над площадью Ленина нависли тяжёлые грозовые тучи. Стояла пасмурная погода, и даже яркие клумбы окрасились в тёмно-серый цвет. Воздух казался затхлым и даже загустевшим – стоит протянуть руку, и она по локоть увязнет в гнетущей тишине. Серость, тяжесть, угнетённость... Даже памятник Ленину этим вечером выглядел суровее, чем обычно, а его призывно вытянутая к небу рука больше напоминала взмах генерала, бросающего свои полки в бой. На смерть.

Их взгляды встретились. Один – сильный, уверенный, пронзающий из-под низких густых бровей, и второй – злобный, полный ненависти и отчаяния, с трудом различимый сквозь огромную, на пол-лица, каштановую чёлку. Братья напряжённо смотрели друг на друга. Казалось, стоит человеку встать меж этих двух смертельных огней, и он будет убит наповал. Просто так, одними лишь взглядами.

– И что ты намерен делать? – с надрывом спросил один, высокий долговязый парень в огромных

Покой, увы, был недолог. Пришли рабочие, забрали гранитный валун с собой, обработали художественно – неделю колотили молотками и ещё чем-то. Сделали из гранитного куса страшного, но симпатичного дракона. Стоит он теперь на шумной улице. Машины носятся, обливают грязью, душат его газами. Шпана местная, когда ей скучно, а скучно ей всегда, колотит дракона, чем попало, пачкает разной дрянью и пытается – пока безуспешно – свалить гранитное изваяние с постамента. Нет покоя.

От судьбы не уйдёшь.

чёрных кедах с яркими шнурками, проколотой губой и внушительной чёлкой, скрывавшей почти половину его лица. – Убьёшь меня? Или отберёшь мобильный, а дома вернёшь, пряча от стыда глаза?

– Заткнись, – прорычал второй, с короткой стрижкой ёжиком, накачанный, в обтягивающей майке и трико фирмы «Adidas». – Я не собираюсь выслушивать весь этот бред от таких, как ты!

Последнюю фразу он с ненавистью выплюнул, будто хотел тем самым оскорбить, унижить.

– Так чего же ты ждёшь? Вот он я! Давай, один на один! Или ты только в своей стае крутой?

Лицо второго налилось кровью, но он ничего не ответил.

Начиналась гроза...

Антон и Михаил Золотниковы были родными братьями – родились в один и тот же день с разницей в пятнадцать минут.

Михаил был старше Антона и по праву занимал главенствующее положение в семье. С раннего детства